

В. Н. СКАЛОН.
Кафедра охотоведения.

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ СИБИРИ

«Горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли на свой страх океаны, льды и снега и везде, где оседали усталые кучки в мерзлых степях, закинула жизнь... и это от Перми до Тихого Океана».

(А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. т. IX, стр. 458).

Великий исторический процесс освоения русскими людьми сибирских просторов, основу которого так хорошо характеризуют приведенные выше слова знатока русской жизни—А. И. Герцена, был особенно замечателен в его наиболее северном варианте.

В своем исконном движении к востоку русские люди не имели с древнейших времен преград только на побережье Студеного моря. Когда пути в Зауралье по Каме были еще преграждены слишком мощными племенными объединениями, Крайний Север оставался или совсем пустынным, или населенным слабо и разрозненно.*)

*) Изначала в сибирско-европейском секторе Арктики русские люди встретили, как известно, «югру». Это были аборигены края, изначальные оседлые или полуседлые собаководы, представители, по-видимому, того «арктического неолита», который описывает для Ямала В. Н. Чернецов (50, 51). Основой их быта был по преимуществу морской зверобойный промысел, по-скольку по многим данным, эта часть побережья была богата моржами и китами. Очень рано, видимо, в X—XI вв. произошло распадение этой оседлости и смешение югры с ненцами-оленьеводами, пришельцами с юга. Угасание собаководной культуры скорее всего нужно в данном случае

Необходимо отметить, что эти арктические походы менее всего имели военный характер. Участвовавшие в них русские люди направлялись в заведомо пустынные страны. Они могли рассчитывать только на использование природных богатств сурового края и были не воинами, а промышленниками.

Год за годом и из века в век смельчаки пробирались все далее и сейчас имеется достаточно данных для того, чтобы утверждать, что ко времени похода Ермака русские люди знали и осваивали побережье Сибири на сотни, если не на тысячи, верст к востоку от Урала.

Самое важное, что и подчеркивает А. И. Герцен, это прочное и мирное обоснование на новых местах, установление повсеместной оседлости.

Вдоль всего побережья Ледовитого океана и Сибири разбросаны древние поселения, возникновение которых относится ко временам первого проникновения русских людей в эти края. Многие из них, истари известные, в настоящее время числятся лишь по наименованиям, многие исчезли совсем, но велико их культурно-историческое прошлое.

Различны были эти северные поселения, разной оказалась и их судьба. Некоторые заупустели издавна, существовав недолго. Другие, как например, Русское Устье на Индигирке, прошли сквозь века в поразительной сохранности. Наконец, в ряде пунктов, особенно в Якутии, русское население постепенно окружалось численно преобладающими представителями других народностей, пришедших в Арктику вслед за русскими, и с ними сливались потомки русских аборигенов.

В общих чертах такая судьба древних пунктов русской оседлости в Арктике известна, но чрезвычайно мало исследована, в особенности процесс их исчезновения.

связать с глубокими переменами, которые потерпела морская фауна этой части океана: иссякли запасы моржей, прекратились заходы китов, даже белухи перестали в значительных массах посещать побережье. Это, конечно не было следствием промысла (абсолютно ничтожного), а скорее изменений морского дна, претерпевающего, как известно, в этом участке вековое поднятие.

К востоку от бассейна Оби, вплоть до Индигирки, побережье видимо не было заселено в дорусский период совсем. Вдоль арктического побережья первые сибирские землепроходцы — повгородские ушкуйники и двигались к востоку.

Ныне целиком уйдя в прошлое, явление это сохраняет немалый исторический интерес.

Сказанное в особенности относится к небольшим, разрозненным посельям Северо-Западной Якутии и Таймыра. Если следы первоначальной русской оседлости на Оленьке и Анабаре, которая была численно ничтожной и разрозненной, к нашему времени достаточно полно изгладилась, то на Таймыре, на Хатанге, например, мы имели еще недавно медленно исчезающие следы гораздо более солидной оседлости, доступные для исследования и заслуживающие серьезного внимания.

Факт былой натурализации отдельных групп русских, затерянных среди якутского населения, хорошо известен главным образом в отношении Центральной Якутии. По описанию старых путешественников, встречались поселки, русские жители которых, забыв родной язык, утратив отчасти тип, сохраняли при том полностью русский уклад жизни.

Другая картина имела место на крайнем северо-западе Якутии. Здесь количество русских людей было гораздо меньше и объядчивание уходило глубже. Эта группа, известная под названием «затундринских крестьян» полностью восприняла быт окружавших их долган и якутов и, утратив оседлость, перешла к оленеводческому, кочевому быту. Таким образом, еще сравнительно недавно можно было встретить людей несомненно русских по происхождению, часто типичных по внешности, но не знающих ни слова по-русски и живущих в чуме, около своих оленей. Исследуя причины столь существенных изменений, мы прежде всего должны остановиться на основном элементе экономики и быта местного населения, а именно на их животноводстве, определяющем возможности транспорта.

Вся русская оседлость в Арктической Азии в дореволюционной России была неразрывно связана с наличием ездового собаководства. Наоборот, народы азиатского происхождения, во всяком случае к западу от Лены, были исключительно оленеводами.

Оседлый быт в условиях морского побережья и устьев рек в Арктике, базирующийся на промысле, невозможен без наличия ездового собаководства и мы находим его как у туземцев крайнего северо-востока Азии (и далее в Америке и Гренландии), так и у русских насель-

ников Арктической Сибири. Равным образом якуты, перешедшие под влиянием русских и оседлости на побережье, что наблюдается местами, принимали несвойственное этому народу ездовое собаководство.

Наоборот, ездовое собаководство было несовместимо с кочевым бытом и, в случае перехода ранее оседлых групп к кочевому образу жизни, оно быстро деградировало. Равным образом происходившее местами стихийное оседание разорившихся оленеводов знаменовало собою начало нищенского существования, будто не развивалось у них ездовое собаководство.

Интересные иллюстрации этой закономерности дает недавнее прошлое Восточного Таймыра. судьбу первоначальной оседлости которого попытаемся здесь проследить.

По берегам р. Хеты и ниже по р. Хатанге*), от истоков до устья и далее к северу, вдоль побережья Таймыра, по слухам до залива Прончищевой, раскинулись развалины зимовьев. В 15—20 км друг от друга можно обнаружить избушки, или их следы, по нескольку штук вместе, иногда лишь в виде торчащих из берега бревен, с многочисленными по местам погостами. Многое, по видимому, уже уничтожено размывами.

Местами поселя эти очень старые. Так, на «Крестовых ярах», что близ устья рек Попигая и Блудной, еще в 1933 году стоял исправный, но необитаемый, по слухам, около 60 лет дом, стоящий на «двойном», так сказать, фундаменте, т. е. имеющий под собою два, один другого старее, остова строений**). Поблизости находится ряд остовов изб, совсем вросших в землю и остатки очень обширного, ныне почти размытого водою погоста. На побережье Хатангского залива, на устье р. Б. Балахны, находятся остатки обширного здания, древности которого говорит размытая толща «кухонных остатков» — в основном костей оленей—до 1,5 метра высотой. На правом берегу залива, близ мыса Карго, из

*) Отметим, что верховьями Хатанги мы отнюдь не склонны считать истоки р. Котуй, как это имеет место на некоторых картах. Котуй река совершенно самостоятельная и своеобразная. Сливаясь с р. Хетой по выходе совсем из гор, она и дает начало р. Хатанге.

***) Видимо об этом доме говорит В. Васильев (13), сообщающий что один из домов на устье Попигая в его время (1908 г.) не был еще окончательно заброшен и в нем от времени до времени жили якуты (очевидно следует разуметь—затундринские крестьяне В. С.)

высоком холме высился покрякнутый, но еще крепкий, массивный крест, с «дониконовской» на нем надписью, эмблема, подобную которой, в столь же массивных остатках, всегда почти удается обнаружить у развалин зимовьев.

Все это заброшено и необитаемо, и известно населению под характерным названием «кореной». Интересно, что в низовьях р. Котуя, которые издавна были вовсе необитаемы, мною были также обнаружены развалины изб, но видимо уже забытых преданиями. На большую древность этих поселений указывает, между прочим, тот любопытный факт, что во времена Великой Северной экспедиции, как указывает Х. Лаптев (23), они так же назывались «кореной», то-есть исконными.

Нахождение таких развалин известно и внутри страны, куда также проникали русские люди. Так, «кореной» имеется на озере Портнягином. Известно, что в верховьях р. Соудемы (притоке р. Анабара) имеются развалины значительного поселка. Есть остатки изб на Попигае (напр., в устье р. Помис—Фомич), встречаются и на озере Ессей, в верховьях р. Котуя, где когда-то было Ессейское зимовье и т. д.

Некоторые из этих построек поражают своей солидностью. Например, упомянутый «кореной» в устье Б. Балахны представляет собою остатки обширного здания в несколько комнат с крытым двором и русскими печами в жилых помещениях. Оно схоже с зимовьем Малым, на побережье Енисейского залива, описанного его исследователем Н. К. Ауэрбахом. Подобные же дома в наше время были еще обитаемы на р. Пясинной и на устье р. Енисея.

Хозяйство и быт былых оседлых насельников Таймыра во всех отношениях стояли выше сменявшего его кочевого. Прежде всего на это указывает самый характер построек: русская изба, с крытым двором и русской печью. В то же время до самой революции в районе бытовал только самый низший тип якутских жилых построек, так называемое «холомо», а вместо надворных построек—жалкие амбарчики—«капсоки».

Русские печи, предметы промыслового, домашнего и собаководного обихода, и, наконец, предания жителей о том, что предки их были грамотными и имели книги, все это несомненные признаки высокой для своего времени

культуры, удовлетворявшей развитым потребностям обитателей.

Самой характерной особенностью этих поселений, ярко обрисовывающей тип их хозяйства, нужно считать крытые, утепленные кутухи для собак, массивные колоды для их кормежки, указывающие на многочисленность и культурное содержание упряжек, и остатки принадлежностей упряжек и нарт, которые нетрудно бывает обнаружить в развалинах.

Типом хозяйства определяется связанность «коренных» с берегами водоемов—рыба была основной пищей собак, на которых держалось хозяйство.

Мощным поэтому было и развитие рыбного промысла. Из преданий населению хорошо известны многочисленные, обширные неводные пески, которые могли осваиваться только очень большими неводами. Ничтожными неводишками, которые применялись кочевниками, использовались только кусочки некоторых из этих песков. Неводные же угодья по берегам Хатангского залива и далее к северу вовсе не использовались.

Судя по размытым погребениям—остаткам гробов из лодочных досок—существовало местное производство лодок высокого качества. Предания подтверждают это. Так, память некоторых старожиллов хранит имена двух братьев-стариков, давно умерших, последних хатангских лодочников; они совсем не знали якутского языка. Позднее заезжим лодочником был один из местных священников. Лодки же последних десятилетий дореволюционного прошлого поражали примитивностью конструкции и топорностью работы.

Таково прошлое. «Затундринские крестьяне» былых поколений полностью слились с численно преобладавшим якутским населением.

Совершенно угасло и собаководство. Последняя из местных упряжек погибла в 1928 г. вместе с сыном хозяина на озере Портнягином. Ее владелец—Илья Портнягин—почти слепой бедняк, влачил затем жалкое существование владельца одного оленя.

Весь район стал целиком кочевым.

К какому времени можно отнести деградацию и гибель хатангской собаководной оседлости? Для того, чтобы правильно ответить на этот вопрос, необходимо

вкратце проследить историю заселения русскими Таймыра.

Временем первого объясачивания пясинских самоедов считается 1614 год; на это указывает Г. Миллер (28), И. Фишер (49) и далее В. Андреевич (2). П. Буцинский сообщает, что к концу первой четверти XVII века русские добрались до устья р. Хатанги, а в 1644 г. появились и на Анабаре (12).

Однако, мы имеем неоспоримые данные о том, что в действительности русские проникли на Хатангу гораздо ранее.

Именно Д. Логан (1611 г.) упоминает сообщение русского, передававшего слышанный от эвенка рассказ о том, что за рекой Тунгуской находится другая большая река, текущая на юг, по которой ходят корабли (1 стр. 217). В этой реке некоторые исследователи хотят видеть Амур, другие Лену. Но эти реки не текут на юг, а главное лежат слишком далеко для того, чтобы о них могли знать енисейские тунгусы, и корабли на Лене в ту пору никак не могли оказаться. Скорее всего это Хатанга, о существовании которой в том же году имел сведения Д. Логан.

Переглоу (1611) говорит о морском пути с Енисея. По его словам, плывя вниз из устья р. Турухана, можно попасть в большую реку Хавтик (1 стр. 232). М. Алексеев и Л. Шренк основательно полагают, что это Хатанга, тем более, что ниже Переглоу говорит и о Пясине и о Хатанге.

Финч (1611—1616 гг.) говорит: «за землей тунгусов находится также р. Гета, по которой ездят русские из Ваши и Печоры. Говорят, что эти русские жили в окрестностях Геты шесть лет, после чего один русский по имени Волк вернулся в Сибирь» (1 стр. 239).

Исаак Масса (1612) знал об Енисее и о том, что на восточном его берегу есть такие горы, которые исторгают огонь и серу (1 стр. 268). Об этих горящих горах говорит И. Гмелли, определяя их местонахождение на р. Поиная; место это обнаружено И. Толмачевым на р. Огневке, впадающей в Хатангскую губу, в 50 км. ниже устья р. Поиная (9 стр. 320). Важно то, что известия о них в 1612 г. были распространены в Москве.

Если в эти годы иностранцы в Москве сумели собрать сведения о Сибири до Хатанги, а добывать такие

сведения было по тому времени нелегко и небезопасно, мы, учитывая тогдашнюю медленность сообщений, не можем не признать, что русские на Енисее и Хатанге были не за один десяток лет до официального их там закрепления.

Каким образом могло происходить такое продвижение наших предков?

Говоря о проникновении казаков на Пясину, О. Середонин, помечая его 1607 годом, добавляет: «Здесь приостановилось движение морем вдоль берега. К востоку от устья р. Пясиной далеко выдается на север полуостров Таймыр, обогнуть который русские в то время не могли» (4 стр. 15). Это очевидная ошибка. Уже в то время можно было найти немало доказательств обратного, но с полной точностью русские морские походы вокруг Таймыра в XVI—XVII вв. установлены лишь советскими учеными. С древнейших времен Таймыр не был преградой для русских землепроходцев-моряков.

В 1518 г. Рамузио опубликовал сведения, полученные им от русского дипломата (Д. Герасимова) о том, что едучи Ледовитым океаном на восток, можно пройти в Китай (10 стр. 23). И. Гамель относит появление этих сведений к 1525 г., полагая, что сообщить их мог так же Василий Власий (15 стр. 35). В 1525 г. Герасимов во время вторичного посещения Европы сходные сведения передавал автору известной книги о Московии П. Иовию (10 стр. 25). Согласно данным И. Гамеля, П. Иовий в 1537 г. опубликовал сообщение Д. Герасимова о том, что, едучи из Двины вправо вдоль берега, можно достигнуть Китая (15 стр. 35).

В «донесениях о Московии», опубликованных Р. В. Огородниковым (30 стр. V) и относящихся по его мнению к 1553—1557 гг., сообщается, что «некоторые отважные люди рассказывали, будто, если ехать от устья Двины на восток, то удобно можно пройти с кораблями в Китай. Людям, которые собирались это сделать, царь Иван обещал большие награды» (27 стр. 21).

Эти сведения столь замечательны, что долго казались оригинальной легендой. А. Миддендорф, например, изумляется тому, что уже на картах 1570 г. северное побережье Тартарии соответствует современному начертанию, особенно в смысле расположения Таймыра. Он высказывает предположение, не имел ли Таймыр судьбы

Гренландии и Северной Америки, и отказывается от этой мысли, сочтя указанное сходство результатом случайности. (30 стр. 61).

Исследования последних лет на восточном побережье Таймыра показали, что неверие Миддендорфа в способности древних русских мореплавателей было вовсе необоснованно. Остатки найденной близ залива Фаддея зимовки содержали монеты времен Михаила Федоровича и предметы, показывающие высокий культурный уровень мореплавателей (17, 32, 33, 34).

Нельзя не отметить, что ошибку А. Миддендорфа не трудно было установить и ранее, внимательно рассматривая, например, карту Гюйген ван Липсхотена, относящуюся к 1594—1595 гг. (29). На ней под именем мыса Табин очень верно положен полуостров Таймыр. Что же замечательно, так это показанные на нем детали: озеро своеобразной формы и речка, из него выпадающая, вполне отвечающие озеру и речке Таймыру. Такие сведения нельзя выдумать и они не могут быть следствием случайности. Не подлежит сомнению, что русские землепроходцы не только огибали Таймыр. Они обследовали его толково и внимательно, и сумели составить поразительно точную для своего времени карту. Совершенно очевидно, что это было доступно людям не только смелым и любознательным, но и высококультурным.

Морской путь вдоль побережья, тем более вокруг Таймыра, в самые даже благоприятные ледовые годы, требует, кроме отваги, величайшего мастерства и мореходных знаний, и нам известно, что у древних русских моряков они были. Первые английские и голландские мореходы, прибывшие на Мурман и Белое море, нашли русских, которые хорошо знали берега Карского моря и Обь (37 стр. 5). При этом особенно интересным нужно считать наблюдение знаменитого мореплавателя С. Берро, сделанное им около Колы 9 июня 1556 г.—встреченные им кочи русских перегоняли на ходу его судно. Нужно отметить, что экспедиция Берро шла на лучших судах своего времени, ее вели самые опытные моряки, а потому данный факт показывает, что в лице русских поморов иностранцы встречали достойных соперников. Кроме того, мы вправе заключить, что пресловутые «кочи», о которых некоторые исследователи охотно говорят в презрительных выражениях, вроде «углые», «неуклю-

жие», «кое как сколоченные»..., были на самом деле превосходными для своего времени суденышками. Они вполне отвечали потребностям своих хозяев, доступности полярного каботажного плавания и были вполне пригодны для длительного хода открытым морем.

Несомненно при этом, что в знании полярной навигации русские моряки на столетия обогнали своих современников—западных европейцев. Привлеченные полученными от русских сведениями о пути в Китай и о богатствах Сибири пришельцы беспомощно погибали там, где русские мореходы запросто проходили по своим хозяйственным надобностям. Глубоко прав был русский ученый А. Лерберг, сказавший: «каких трудов и несчастий избавились бы голландские и английские мореходцы, если бы могли пользоваться гидрографическими познаниями, которые в Великом Новгороде известны были за несколько сот лет до этого» (26 стр. 30).

Приходится признать, что мы имеем полное право к заключению, что наши предки—землепроходцы-полярники—должны быть поставлены в ряды ученых-исследователей своего времени.

Огибая Таймыр, землепроходцы попадали в Хатангу, но отнюдь не останавливались здесь по пути на восток. Им, одолевшим мыс Челюскина, не могли быть страшны более слабые преграды восточного сектора сибирской Арктики, и мы знаем, что они проникали далеко.

Эти данные подтверждают сказанное выше о том, что расселение русских по Таймыру произошло гораздо раньше, чем это принято думать и началось именно с морского побережья.

Что в конце первой четверти XVII века русские обживали и южную часть Таймыра, показывает упоминание Н. Латкина, что около 1625 года тунгусский князек Лумба истребил всех живших на Хете и Хатанге казаков (24 стр. 415). Нужно только думать, что это не коснулось обитателей арктической полосы, куда эвенки по всем данным не доходили. Во всяком случае, население опустошенных поселений видимо быстро восстановилось, так как древнейшая из Мангазейских ясачных книг, относящаяся к 1629 году, включает Хатангское зимовье (12). В ней же упоминается и зимовье Ессейское, что указывает на весьма раннее проникновение русских в этот труднодоступный район. П. Словцов считает так

же, что в 1629 г. зимовья уже были на Пясиной и Хатанге (43 стр. 57).

В 1680 г. произошло избиение обитателей Ессейского зимовья эвенками. Из интересной переписки, возникшей по этому поводу (18, т. X, стр. 16), мы узнаем, что эта удаленная местность была доступна русским и из Мангазеи и из Якутска. Более того, эти данные позволяют сделать важное заключение о том, что во второй половине XVII века русские люди осваивали внутренние районы горной страны, которая и поныне считается одним из самых труднодоступных районов Крайнего Севера.

Есть основание предполагать также, что в период навигации землепроходцы пользовались труднопроходимой рекой Котуем, которая, как мы видели, была даже отчасти обжитой.

На сибирском чертеже С. Ремезова (1701 г.) русские зимовья на Хатанге и Хете показаны наряду с чумами самоедов. На карте Гонзелиуса, составленной в 1745 г., на основании данных Великой Северной экспедиции (1733—1743 гг.), показано много русских зимовьев на Таймыре. Исследователь Таймыра Х. Лаптев (23) сообщает о коренных зимовьях русских на Анабаре, Хатанге, Хете и Балахне, а также на Пясиной. На последней «с самой вершины и до 71°10' с. ш. живут русские промышленники».

Таким образом, столь рано зародившаяся русская оседлость на Таймыре не угасла даже в XVIII веке, когда вся собственно речная система полуострова была очень, по местным условиям, плотно занята зимовьями.*)

*) Известно, например, что Великая Северная экспедиция нашла в устье р. Таймыры, под 75°30' с. ш., крещеного якута, жившего там несколько лет (45), бывшего очевидно не первым насельником этих мест. Много позднее А. Миндендорф (27 стр. 92) нашел на этом месте избушку жившего здесь некогда якута Фомы. Таким образом, этот крайне удаленный пункт обитался преемственно в течение очень долгого времени, причем зачинателями оседлости были, конечно, не якуты. Заселялась и внутренняя часть Таймыра. Тот же Миндендорф установил, что в конце XVIII столетия на нижней Таймыре жил постоянно некто Фирс, промышленник с р. Дудыны (27 стр. 75). Вполне вероятно, что будущие исследования обнаружат немало ныне совершенно забытых точек бывлой русской оседлости не только на побережной, но во внутренней части полуострова.

Дальнейшие сведения о русском населении Таймыра относятся уже к XIX веку. Количество русских зимовьев, указываемое для Севера Туруханского края С. Степановым, очень значительно (46 стр. 190). Он насчитывает от Туруханска к северу 46 зимовьев и 77 «за тундрою», к Анабару. У П. Третьякова (48), А. Миддендорфа (27), Н. Латкина (24) и других мы встречаем указания на присутствие русских зимовьев «за тундрою», но без точных данных. Только у А. Шлихтера и В. Исаченко (52), работавших уже в нашем столетии (1914 г.), приводится число зимовьев в Затундринском обществе, равное 14. Впрочем эти сведения приводились, видимо, по очень устаревшим материалам, ибо В. Васильев (13), посетивший Восточный Таймыр в 1908 г., говорит только об угасшей культуре. В. Долгих (16) в 1926 г. установил еще следы оседлости в виде зимовок в т. н. «избе Марка», в устье реки Б. Балахны, единственном в то время жилом зимовье Восточного Таймыра. Наконец, мне в 1932--1933 гг., когда я изъездил весь Южный и Восточный Таймыр, почти до 73° с. ш., пришлось констатировать полное угасание первичной русской оседлости на этом полуострове, а, по слухам, и на Анабаре и на Оленьке.

Исчезновение оседлости вызывало изменение быта и хозяйства, а постепенно и оставление родного языка.

К какому времени следует отнести начало падения русской оседлости Восточного Таймыра?

В цитированной работе Х. Лаптева есть одно очень интересное указание. Он говорит, что от устья р. Хатанги, вдоль берегов Хатангской губы, «от конечного зимовья, то есть от последнего к морю, к северу и в завороте к западу по берегу промышленных людей нет и не бывали люди».

Между тем мы знаем, что русские приходили на Хатангу с океана и зимовали очень далеко на север от устья этой реки. В то же время местным жителям известны остатки зимовьев далеко по восточному берегу Таймыра, а пастухи в этом направлении действовали и в мое время. Помнились и предания о проживавших очень далеко на побережье зимовщиках. Следовательно, во времена Х. Лаптева имели место некоторые сокращения пределов оседлости, которая оставалась весь-

ма мощной, а в последующее время северные ее границы временами и расширялись.

Выше мы убедились, что, по данным С. Степанова, еще в начале прошлого века русская оседлость на Хатанге достигала большой мощности. Следовательно, ее деградация пала на истекшее столетие, и этот длительный исторический процесс закончился в XX веке.

Не противоречат такому заключению и предания аборигенов.

Некоторые древние старики помнили, хотя и смутно, время, когда известная часть упоминавшихся поселений была еще обитаема. Последние же настоящие собаководные хозяйства бытовали на памяти людей и среднего возраста. Характерным моментом воспоминаний о старинных поселенцах можно считать то, что эти люди были русскими не только по быту, но и по языку. А. Я. Рудинский*), древний старец, сам еле говорящий по-русски, живший в семье Портнягиных, знавших только якутский язык, сообщил мне своим своеобразным языком, что: «допрежь русский лово на Хатанге век не был. Мой отец раньше люди только русский говорка положи. Отец мой якутский лово маленько только ухом лышал». По мнению населения не деды, а прадеды доживавших в мое время стариков помнили расцвет русской оседлости на Хатанге, слышали от очевидцев о населенности Котуя и Таймыра до 74° с. ш.

На значительную давность объядучивания некоторых русских семей на Таймыре указывают многие источники. Однако, процесс этот был очень затяжным, не имел массового характера и завершился лишь с угасанием специфической формы хозяйства.

Каковы же причины гибели нервичной русской оседлости на Таймыре? В литературе мы находим несколько высказываний по этому вопросу, в свое время собранных Н. Ауэрбахом (6 стр. 15). Так, П. Шмидт предполагает причину в отрицательном влиянии тяжелых

*) Фамилии обитателей Восточного Таймыра, которые признают свое чисто русское происхождение, таковы: Портнягины, Рудинские, Дураковы, Уксусниковы. Не лишнее отметить, что фамилию Портнягиных я встретил среди коренных жителей Усть-Янска, а В. Зевзинов (19 стр. 132) среди аборигенов Русского Устья. Интересно также, что ряд архаических особенностей языка Русской-Устьищев удалось подметить и у затундринских крестьян.

физико-географических условий. П. Буцинский и Л. Брейтфус усматривают корень явления в закрытии Северного морского пути в XVII веке. А. Миддендорф обвиняет Великую Северную экспедицию; после огромного напряжения в местном хозяйстве, вызванного необходимостью ее обслуживания, оно, по его мнению, не могло уже оправиться.

Туземные предания ставят изучаемое явление в зависимость от разразившейся 80—90 лет тому назад страшной эпидемии оспы, от которой вымерло неизлечимое никакой медицинской помощи население. Дошло до того, что пришлось «пригнать» с Оленька якутов для исправления ямской повинности оленями. В литературе мы находим подтверждение этим сведениям. Так, Н. Латкин (24 стр. 438) говорит о великом море в Туруханском крае в 1810—11, 1815 и 1818 г.г. Тогда хлеб на Хатанге продавался по 4 р. 50 к. пуд, цена по тому времени баснословная. Ниже (стр. 449) он сообщает, что во время чрезвычайной эпидемии оспы в 1850—51 г.г. многие северные зимовья, населенные русскими, потеряли всех жителей. Эта катастрофа имела, очевидно, значение не только для Таймыра. Запустели и поселки, лежавшие восточнее Хатанги. Так, В. Карзин сообщает, например, что в 1883 году на Анабаре оседлых жителей не было вовсе, равно между ее устьем и Оленком. На устье же Оленка жило на левом берегу 6 семей русских, а на правом—7 семей якутов (20 стр. 20).

Рассмотрим, какова вероятность высказанных предположений.

Прежде всего приходится отбросить утверждение П. Шмидта. Никогда не служили раньше и не служат теперь препятствием для русских людей тяжелые физико-географические условия. Искони умели они с ними мириться и когда нужно их преодолевать.

Не правы также П. Буцинский и Л. Брейтфус.

Не могло отразиться на судьбе Енисейской и Таймырской русской оседлости закрытие Северного морского пути. Этот акт, вызванный очевидной государственной необходимостью, имел определенные отрицательные последствия для экономики Крайнего Севера Сибири (43 стр. 37—45). Однако, это было слишком давно

и веками спустя русская оседлость процветала на Енисее и Таймыре.

Едва ли можно согласиться и с А. Миддендорфом.

Как ни тяжелы были для населения Крайнего Севера переезды Великой Северной экспедиции, но сами по себе они не могли иметь пагубного влияния на самую судьбу оседлости. Это был исторический эпизод и только.

Другое дело оспа. Ее роль была огромной. Здесь необходимо подчеркнуть, что историки Сибири явно недооценивают этот эпидемиологический фактор в прошлом Северной Азии как в отношении движения русского, так особенно туземного населения.

Вплоть до половины, если не до конца прошлого столетия, эпидемии, можно сказать пандемии оспы не раз пронеслись по сибирским просторам, нещадно их опустошая. Перед «пестрой смертью» были равно беспомощны и русские и аборигены, как незадолго перед тем западные европейцы. Известно, например, что «в конце XVI—XVII веков ежегодно в Европе умирало от оспы до 1,5 миллиона человек, при заболеваемости в 12 миллионов» (39 стр. 287).

Но в Европе при сплоченном, густом населении, при развитых путях сообщения убыль быстро восполнялась. Что же касается изолированных групп, тем более примитивных племен, то их злая эпидемия могла уничтожить целиком. Особенно резко сказывались оспенные эпидемии на оседлом населении. Коряки, камчадалы, курильцы, а на континенте—анаулы, скученные зимою в антисанитарных условиях полуподземных жилищ, вымирали сплошь. Именно эпидемиями только и можно объяснить исчезновение анаулов и сокращение до минимума многочисленных юкагиров. В то же время легко подвижные кочевники: чукчи, эвенки и т. д., убегая в панике, бросая больных, больше имели шансов сохраниться, и они сохранились.

Оспенные эпидемии подорвали первичную русскую оседлость на Таймыре. Это несомненно. Однако, они были только заключительным актом более глубокого и давнего процесса, сделавшего угасание этой оседлости исторически оправданным и экономически неизбежным.

Исходным моментом явления было то, что оседлые обитатели высокой Арктики оказались в стороне от

«большой сибирской дороги». Побережье Ледовитого океана было первичным путем движения русских в Северную Азию. Постепенно основной путь сдвигался к югу, по-скольку, осваивая таежные, а затем степные пространства, наши землепроходцы открывали более экономически выгодные дороги. Сначала путь пролегал через волоки Таза и Ваха, затем Кети и Илима, а в новейшие времена окончательно сменился сухопутным московским трактом. И отмирали постепенно приморские зимовья, Мангазея, Кетский острог, Илимск... уступая возникающим центрам Южной Сибири.

Постепенно отпадала государственная необходимость поддержки отмирающих центров и промежуточных точек оседлости. Они могли задерживаться надолго, но подвергшись опустошению, с трудом лишь могли восстанавливаться, так как были лишены животворного притока людей с Руси, с которой замирала связь.

Существование оседлого населения поддерживалось потребностью государства в пушнине. Она обуславливала товарность его хозяйства. На пушнине, например, выросла арктическая промысловая периферия мощного и своеобразного комплексного хозяйства Туруханского монастыря. Но роль пушнины со временем ослабевала, уступая место более важным отраслям. После ликвидации пушной монополии совершенно угас интерес правительства к Крайнему Северу.

Концом пушной монополии мы можем считать законное о дозволении вольной торговли соболями и другими заповедными товарами, от 1727 г. (54 стр. 189). Отказ от взимания ясака мехами, относящийся к 1769 году был следствием ликвидации пушной монополии. Ведь обращение с огромными пушными ценностями, необходимость которой диктовалась существовавшим положением, выработало весьма сложную и довольно громоздкую систему, от сборщиков пушнины на местах, через воеводский двор с его знатоками пушнины, до объединяющего пушно-мехового центра в сибирском приказе. Поддерживать эту систему для операций только с одним пушным ясаком было совершенно невыгодно, и государство отказалось от пушных ценностей совсем.

Оба указа имели огромное значение для русской

промысловой оседлости в Арктике. Еще незадолго до указа 1727 г. пришлые люди не представляли редкости на Таймыре. Еще Х. Лантев отмечал наличие здесь многих забеглых, беспаспортных людей. В дальнейшем их не стало.

Предоставленная сама себе, изолированная от сплошного русского населения, окруженная многочисленным, все прибывающим, якутским населением, русская первичная оседлость захирела. Теперь для ее полного исчезновения достаточно было эпидемий.

Выше мы упомянули, что раньше других опустели зимовья на дальнем побережье Таймыра и на юге района—на Котуе. Дальше всего они держались в средней полосе, т. е. примерно, между 72 и 73° с. ш. Это не случайно. Дело в том, что именно данная полоса наиболее пригодна для оленеводства, а Крайний Север и Юг лишены ягелей и там можно жить только собаководным хозяйством.

Промысловая оседлость в Арктике немыслима без ездовой собаки. Развитие таких поселений вызвало к жизни мощное, совершенное ездовое собаководство.

Примитивное оленеводство невозможно в оседлом быту.

Сосуществование обеих форм хозяйства крайне не рентабельно и может бытовать лишь временно. Примеры существования таких комбинированных хозяйств хранят туземные предания.

На Восточном Таймыре олень победил собаку. Объясняясь, перенимая оленеводческий быт, немногие из уцелевших русских вынуждены были отказываться от собаководства и оно постепенно угасло.

Процесс этот был длительным. Очень долго, до последних десятилетий существовали отдельные собаководные хозяйства. Но они должны были придти в упадок, хотя бы в силу вырождения собачьего поголовья в результате смешения с окружающими инородными собаками, замкнутого скрещивания или благодаря падению самой культуры этой древней хозяйственной отрасли.

Естественно, что скорее всего исчезали пункты оседлости, удаленные от зоны оленеводства, ставшего хозяйственной базой района. Обычно зимовья заканчивали свое существование за смертью наиболее обжившихся

обитателей, и лишь подрастающее поколение полностью переходило к новому быту. Тут-то и могла резко сказаться эпидемия и не удивительно, что в сознании местных жителей ее влияние и утвердилось, как основной фактор.

Осколки былой оседлости сохранялись очень долго даже в местах наиболее раннего ее угасания. Так, старейшие из опрошенных мной аборигенов помнили «русского старика» Льва, грамотного, не знавшего якутского языка человека и знаменитого промышленника, доживавшего свой век «так далеко на побережье, куда никто теперь не заходит даже во время летних кочевий». Там он и умер, закончив собою ряд древних русских насельников восточно-таймырского побережья.

Говоря о судьбе первичной русской оседлости на Таймыре, нельзя не остановиться на выяснении того, когда коренные насельники повстречались с якутами, оказавшими на них впоследствии такое большое влияние.

Не подлежит сомнению, что при своем проникновении на Таймыр и далее на Анабару и Оленек, равно вглубь страны до Енисея, русские не встретили якутов.

Все первоначальные письменные источники убеждают нас, что на Пясиной русские столкнулись только с самодьёю, далее повстречались с эвенками, а якутов встретили не ближе Лены. Так И. Фишер (49 стр. 376) сообщает, что казаки, проникнув в 1635—1636 гг. на Оленек, нашли там только эвенков. Даже на Вилюе, как с точностью показывают исследования Г. А. Попова (38 и личное сообщение), русские обнаружили только эвенков.

Предполагать, как это делает Г. Ксенофонов (21), считающий якутов обитателями Крайнего Севера чуть ли не с XII века, что русские не были в состоянии отличить якутов от эвенков, совершенно не основательно. Эвенков—своих друзей и помощников в деле освоения сибирских просторов—наши землепроходцы знали достаточно хорошо, чтобы кого-либо с ними спутать. При том они вовсе не были настолько бестолковы, чтобы не понять с каким народом они имеют дело. Просто якутов в этих местах еще не было.

Хорошее подтверждение сказанному дает анализ географических названий на Таймыре. Если повсюду

на юге мы находим туземные названия, часто искаженные впоследствии русским произношением, здесь обратно—первоначальные русские названия искажены, иной раз до неузнаваемости, позднейшим якутским произношением. Многочисленные Рохоха-рассоха встречаются на каждой крупной речке. Описне-Опасная, Ледонка-Ледовка, Суолема-Соленая, Помис-Фомич и т. д. в большом разнообразии.

Обратившись к «описанию Лено-Хатангского края» А. Романова (40), мы найдем очень много примеров этого рода. Просматривая обширные списки географических названий, мы, несмотря на многочисленные искажения истинного звучания слов небрежной транскрипцией, постоянно улавливаем русское их происхождение. При этом большинство их приурочено именно к водным артериям, тем более крупным, и побережью моря. С другой стороны, в глубине территории, в том числе в истоках речек, начинают встречаться и преобладать эвенкийские наименования. Уже одно изучение географических названий может дать богатый материал к познанию движения народов в этих интересных районах.

Кроме того, необходимо отметить, что в местном якутском языке мы находим целый ряд русских слов, при том таких, которые как раз показательны в интересующем нас отношении. Так, например, якутами воспринято название песчовой (именно песчовой) пасти «паас», вместо принятого на юге «сохсо». Воспринято слово окол (ловушка на гусей) в форме «окуол». Перешло в якутский язык слово куропатка (на сибирском севере «куропашка») в форме «курпааскы». Слово нерпа произносится как русскими, а прилагательное «нерпичье», дает «нерпалех». Дельфин якутами называется «белюга», т. е. смягчив «у», они сохранили древне-русское в этом слове «г», утерянное в современном, из книг перешедшем названии «белуха» («ревет как белуга»—полярный дельфин именно «ревет»—вздыхает, поднимаясь на поверхность, в то время как осетровое—«белуга», обитательница южно-российских вод «молчит как рыба»). Примеры можно бы продолжить, но приведенного достаточно, чтобы сказать, что якутами восприняты именно те слова, которые определяют предметы, с которыми они встретились в новой для них Арктике после русских, или же те

(куропатка, пасть), которые в этих условиях получили новое, огромное значение.

В сознании местных якутов зафиксировались в разных вариантах истоки переселения на Хатангу. Многие семьи твердо помнят, откуда они пришли, причем на Хатанге и Поппиге наиболее оказываются пришельцы с Вилюя, а на Хете с Есеея. Встречаются выходцы и из центральной Якутии. Движение это не прекращалось до недавнего времени. Хотя оно происходило единицами, не было, принимая во внимание абсолютно ничтожную плотность населения, лишено существенного значения. В нем проявлялось издавна начавшееся движение якутов на запад и северо-запад.*)

В данном случае переселения якутов на Таймыр интересуют нас в смысле влияния на остатки местного исконного русского населения, оторвавшиеся от национальных центров. В результате смешанных браков и вынужденной обстоятельствами смены хозяйственного уклада она закончилась к началу революции. В память этого крошечного островка великой русской национальности нужно сказать несколько слов о большой культур-

*) Кстати сказать, это интересное явление прослежено и известно очень мало и заслуживает внимания. Движение якутов на запад протекало и сухопутьем, и по рекам. В первом случае якуты продвинулись сначала на Вилюй, где слились с коренным населением и объякутили его, а затем прошли водораздельными нагорьями до озера Есеей и верховий р. Хатанги, так же сильно воздействуя на местных эвенков, и, наконец, на Таймыр, где они слились с местными эвенками, образовав долган. По рекам они, согласно преданиям, попали и в Якутию, сплывая с юга по Алекме, Лене, а возможно—Алдану. Позднее так же они продвинулись и до бассейна р. Яны.

При этом в первом случае якутам пришлось сменить исконную форму скотоводства и стать оленеводами, а во втором—сохранить исконный уклад, доведя с собой лошадей и коров, как нигде далеко на север.

Интересно, что частично якуты проникли и на Енисей. Так возникло согласно записанному мною на месте преданию селение Якуты близ Туруханска. Жители его сообщают, что их предки сплывали с верховьев НижнейТунгуски плотами, со скотом. Предание расходится в определении сроков переселения. По одной версии это произошло до прихода казаков на Лену. Якуты встретились якобы на Енисее с русскими и указали им путь на восток. По другому варианту—переезд произошел после занятия русским р. Лены. Возможно, что эти перемещения происходили неоднократно. Жители селения Якуты полностью слились с русскими.

ной миссии, которую выполнили наши далекие предки, освоив сибирский сектор Арктики.

На это пустынное побережье, безлюдное, но изобильное запасами пушных животных, русские люди пришли не как завоеватели, но как мирные промышленники, принесшие с собою высокую культуру промысловой оседлости и навигации.

Океанскими побережьями на тысячи километров шли на восток вольные люди, шли потому, что не встречали необходимости обращаться к воинской силе. В этом причина того, что они на десятилетия опережали официальное освоение страны, отмечавшееся в исторических документах.

Они открыли и освоили огромные пространства, встречавшиеся кое-где аборигены которого стояли на уровне каменного века. Знание территории и в той или иной степени ее богатства они приобщили к общечеловеческой культуре.

Они осуществили колоссальное по своему размаху и трудоемкости строительство пастника, покрывающего полосу тундры от Урала до Тихого океана. В свое время С. Бутурлин указывал, что «почти все побережье Ледовитого океана, кроме безлюдных берегов Таймыра, так обставлено пастями, что от одной видны справа и слева другие» (11 стр. 136). К этому можно только прибавить, что и на Таймыре в местах, позднее не обитавшихся, пастники есть, хотя бы в развалинах, и отметить, что многие народности наследовали от русских это богатство. А кроме пастников русские землепроходцы ввели в Арктике способы ловли птиц и рыбы, усовершенствованное собаководство и домостроительство.

Не поработорителями и насильниками прошли русские люди вдоль арктического побережья, а мирными посетителями культуры, не только открыв за столетия до Норденшельда северо-восточный проход, но и освоив его.

Необходимо остановиться на том, что в предреволюционное время мы имели возрождение оседлости на Восточном Таймыре, но в формах ненормальных и болезненных. Мы говорим о тех семьях, которые были известны в районе под названием «хетской бедноты» и «хатанских балыкчитов».

Эти семьи, разоренные в конце капитализмом, вынуждены были осесть, лишившись оленей. Они сохранили

все стремление к оленеводческому хозяйству и, совершенно лишены оленей, или владея 5—6 зверями, влачили жалкое, нищенское существование. Почти исключительным их питанием была рыба, пойманная примитивными ловушками. Полное отсутствие транспортных средств — до освоения собаководства они не дошли — не давало возможности добывать пушнину и товарность их хозяйства была ничтожной. Для жизни они довольствовались элементарными землянками «голомо», не только без печей, но даже без приличных чуматов, не пытаясь даже завести русские избы.

В советский период потребовалось энергичное вмешательство государства, чтобы сдвинуть эту группу к новой, лучшей жизни, к которой перешло все многонациональное население полуострова Таймыра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941.
2. Андреевич В. К. История Сибири ч. I СПб., 1884.
3. Анучин Д. Город Мангазея и Мангазейский уезд. Землеведение, кн. IV, 1903.
4. Ауэрбах И. К. Заселение и развитие промыслов в низовьях р. Енисей. Рыбпромысловые исследования Сибири. Серия А Красноярск, 1929.
5. Ауэрбах И. Зимовье в бухте Промысловой Енисейского залива. Северная Азия № 5—6 М., 1928.
6. Ауэрбах И. К. К истории археологии в низовьях Енисей. Этнографический бюллетень ВСОРГО. Июнь. Иркутск, 1923.
7. Бахрушин С. В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. Очерки по колонизации Севера и Сибири. Петроград, 1922.
8. Бахрушин С. В. Мангазейская мирская община в XVII в. Северная Азия, № 1, 2, М., 1929.
9. Берг Л. С. Открытие Камчатки. М., 1946.
10. Боднарский М. С. Очерки по истории русского землеведения. Том 1, М., 1947.
11. Бугурлин С. А. Как охотятся на Севере. Сб. Советский север, т. 1, М., 1929.
12. Бушневский П. П. К истории Сибири, Мангазея и Мангазейский уезд. Записки Харьковского Университета, кн. 1, 1898.
13. Владильев В. Угасание русской культуры на дальнем севере. Сибирские вопросы, № 1 СПб., 1908.
14. Вигле В. Ю. Русские полярные мореходцы XVII—XIX вв. ГИИМ, 1948.
15. Гамель В. Англичане в России в XVI—XVII столетиях. Приложение к XII т. Записок А. Н. 1866.